

ДОКАЗЫВАТЬ ДО КОНЦА

необходимость каждой стройки; доказывать технически, экономически, экологически — считает обязательным писатель Сергей Залыгин

— Начиная беседу с Вами, Сергей Павлович, оттолкнувшись от конкретного случая. Около года назад на одном из симпозиумов, где обсуждались и экологические проблемы, говорилось и о том, что конкретная природоохранная деятельность рано или поздно, но выводит любого ее участника на путь целостного познания мира. И тогда потребительская, растратная психология отступает, и это благотворно отражается на всей жизни и деятельности человека. Профессор, доктор философских наук Александр Петрович Шептулин рассказал тогда о таком случае: к нему подошел один из местных строителей и затеял разговор о... взаимоотношениях человека и природы. Он особо подчеркнул, как важно, что человек этот был — строителем!

Именно современный строитель чаще других людей подвергается напору растратной экономики, растратной психологии, чаще вступает в сложные отношения с природой.

Как воспитать культурного создателя, как в целом поднять культуру строительства, как учить людей, непосредственно «завязанных» на тех или иных строительных процессах, чтобы они как можно раньше — начиная от момента, когда только еще предлагается идея того или другого проекта, — становились носителями антирастратной тенденции?

Для себя вы, Сергей Павлович, увидели необходимость активно бороться за культуру строительства, предполагающую козырьское отношение к богатствам нашей природы, когда были еще строителям-профессионалом. Ваши выступления в печати помогли стране сблизиться немало с землей, материальных ценностей, человеческой энергии. Вы пользуетесь материалом писателя, публициста — убедительным, настойчивым, захватывающим, доказательным словом. Какие новые подходы к делу в этом плане возможны в условиях коренной перестройки строительного комплекса страны?

— Я думаю, что вообще нужно це-

лый ряд практических мер принимать, причем самых неотложных. Начнем с порядка прохождения проекта. Разве можно и далее допускать, чтобы авторы проектов сами для себя подбирали экспертов? А у нас это практикуется. И это совершенно недопустимо! К авторам проектов, которые занимаются этим, нужно относиться как ко взяточникам, если уж не как ко взяточникам. Я начинал инженером до войны. Я никогда не знал, кто будет экспертом, приходил на заседание и видел эксперта впервые. А сейчас идет «торговля», идет переписка между автором проекта и экспертом. Какие могут быть между ними контакты? Не должен автор проекта заранее «готовить» для себя эксперта!

— Да, понимаю.

— Второе. В журнале «Коммунист» я уже высказывал такую мысль: когда речь идет о крупных проектах, нужно создавать антипроектную группу... Или как-то иначе можно ее назвать. Дело в том, что проектировщик и психологически не может, особенно когда втянется в проект, искать доводы «против» собственной идеи. Поэтому после того, как положены потенциалы проекта уже созданы, снажем, в виде технико-экономического обоснования (ТЭО), нужна целая группа специалистов, которые подбирали бы на этом этапе доводы «против».

Это вовсе не значит, что мы столкнем их лбами. Но в самом порядке формирования ТЭО должно быть предусмотрено участие доводов «против». И причем доводов не только технического порядка, но только инженерного, но и социального, но и экологического. Это тоже социальная проблема — экология. Скажем, где-то что-то мы строим, какой-то город, новый район. А почему бы не привлечь к этому делу внимание общественности? Почему мы разбросали Москву на многие десятки километров, бо знает как? А ведь у нас еще и до Окружной дороги свободные массивы, а мы лезем далеко за Окружную. Зачем растягиваем коммуналки? У проектировщика и строителя есть какое-то одно свое соображение и пользу выбора места; у населения может быть десять против, но их строители не учитывают. Ведь люди себе не будут хуже делать. Они будут давать советы строителям с учетом своих потребностей. Мнение общественности — это, конечно, не экспертиза. Но его надо обязательно получить, проанализировать и уж потом — принять или не принять.

— А кто арбитр?

— Есть общественные комиссии и в Верховных Советах, и в местных Советах — в районных, городских.

(Окончание на 3-й стр.)

ДОКАЗЫВАТЬ ДО КОНЦА

Знакомие. Начало на 1-й стр.)

областных. Надо сводить на заседаниях горисполкомов общественность со строителями. И надо это делать заранее. Потому что потом мы начинаем ругать строителей, а они не могут ведь учесть всего. Они в свое время ни с кем не советовались, им спустили план, они — довольны-недовольны, разделяют-не разделяют мнение об этом плане — выводят его. Все серьезные строительные объекты должны начинаться с привлечения самого широкого круга людей, обсуждения их общественностью в печати. Вот у «Строительной газеты» дополнительная площадь появилась. Надо, я думаю, проводить здесь обсуждение некоторых проектов на стадии технико-экономического обоснования.

— Может, надо поставить вопрос и о том, чтобы принести в обязательном порядке в ТЭО какие-то дополнительные приоритеты?

— Это правильная мысль. ТЭО надо назвать ТЭЭО — технико-экономическо-экологическое обоснование. Почти все проекты стали природо-образующими. А экологическое обоснование у нас — формально есть, но существу же нет никакого. Я был за границей, в Америке например. У них такой порядок (не знаю, как это нам подойдет или нет) — очень распространена специальность юриста-эколога, который изучает и гражданское право, и технику, и экологию.

— То есть по-своему универсал?

— В своем роде — да. Но главное, он защищает природу, он ее адвокат и посредник между ней и строителем. Такую специальность и нам бы надо тоже вводить. Дальше. Как там проекты утверждаются? Лица или организации, интересы которых проект затрагивает, могут подать в суд. Суд не заменяет собой экспертизы, это понятно, но в суде достаточно доказать, что есть или принципиально может быть какой-то другой вариант проекта, не тот, который рассматривается в суде. Иначе говоря, достаточно доказать, что проектом не учтен и не проработан какой-то исходный материал, чтобы проект был отклонен.

— Значит, строитель не рвется начинать работы до того, как проект утвержден, как, например, это было на сооружении Ленинградской дамбы, или некоторых энергетических объектов, или мормона на Пенлонной горе?

— Да, не рвется, потому что если будет доказано, что не проработаны все исходные предпосылки и варианты проекта, то большие судебные издержки оплачивает строитель.

— Строитель?

— Именно. Отсюда и не возникает желания с бухты-барахты лезть со своим проектом и делу и не к делу. Значит, исключаются и волевые решения.

Дальше я хотел бы сказать о том же, о чем много раз говорил, — о цене на воду, на землю. Решение этого вопроса — дело не строительное, не строителей — но вопрос-то их прямо касается и очень связан с содержанием строительства. Я думаю, что в ближайшее время нам все-таки надо вводить цену на воду и на землю, потому что мы не учитываем тех потерь, которые несем с утратой того и другого, принимая в расчет только строительные затраты. Скажем, идет строительство гидроэлектростанции. Поскольку энергия очень дешевая — а в гидроэнергетике это действительно так, — то рано или поздно турбины накрутят такое количество энергии, которое оправдает строительные затраты. И мы читаем, что прошло пятнадцать лет со времени ввода Куйбышевской ГЭС, и она себя оправдала с лихвой. Но разве имели место затраты только строительные? А если бы мы считали, что Куйбышевской ГЭС затоплены ценные земли и что эти земли, оставаясь живыми, тоже каждый год давали бы определенный доход, и что надо сопоставить с доходом, который мы получаем от выработки энергии в киловатт-часах, — это было бы уже ближе к истине. Энергию-то за границей мы не покупаем, а продовольствие покупаем.

Нам говорят: восстановим затопленные земли, то есть перенесем в другое место сельскохозяйственное производство. Но ведь это же полная ерунда. Если мы дуга затопили, то их на суходоле не организуешь. Луга потеряны навсегда. Земли — навсегда. Мы сейчас становимся страной мало-земельной, в том смысле, что у нас резервов-то земельных уже нет. Пока мы только теряем из того, что имеем. Восстановительные же работы по борьбе с эрозией, с опрагами, с обеднением почв находятся на самой низкой стадии. И пока земля и вода будут стоить для строителей 00 копеек, у нас это будет продолжаться.

Стоимость воды и земель надо вводить в ТЭЭО.

— Да, я разделяю точку зрения тех специалистов, которые об этом говорят давно. Например, член-корреспондент АН СССР В. А. Ковда — крупнейший специалист по нашим земельным фондам — он десятилетиями отстаивает этот тезис. Пусть земля и вода хоть что-то стоят, хотя бы номинально, пусть эта стоимость фигурирует в экономике. Когда проектировалась ГЭС на Оби, против которой я выступал, строители говорили: «Что это там Залыгин шумит насчет земель? Они же ничего не стоят. Леса там нет, тундра, какие-то пастбища для оленей, так их же еще много, а больше ничего там нет. И мы должны с этим считаться? С этим шумом?»

— А там оказалась большая нефть...

— А там оказались нефть и газ. И дай волю строителям, прошло бы года три-четыре, и все бы это к чертям затопили. Мне говорили в Тюменском обкоме, что если бы так произошло, то на восстановление этих земель понадобилось бы минимум тридцать миллиардов рублей. Но ведь это только денежное выражение, на самом деле мы понесли бы еще большие убытки. Земли не восстанавливаются в прежнем виде после продолжительного затопления.

— Вы считаете, что их нельзя восстанавливать?

— Это неизвестно, у нас нет такого опыта. Нам надо бы одну ГЭС остановить и посмотреть, что все-таки можно сделать с землями, которые жили из-под водохранилища. Даже в порядке эксперимента это надо сделать, так как в будущем, хотим мы этого или нет, нам придется это делать.

— Почему вы так уверены?

— Потому что уже сейчас такие водохранилища, как Каховское, а отчасти и Рыбинское, приносят больше вреда, чем пользы, а дальше это положение будет усугубляться. Но мы строим и строим ГЭС без учета этого отрицательного опыта. Вот сейчас Гидропроект проектирует на Енисее каскад плотин. Причем все это втихомолку делается. А что будет с Енисеем, никто не знает. Здесь колоссальная пойма, а подпор воды распространится по всем притокам Енисея... Климатолог напишет справку «Не ожидаю отрицательных последствий...», и никаких доказательств строителям больше и не надо. Но разве это ответственное доказательство?

Разве у нас обоснованы проекты на Катунь? Да ничуть! И на Даугаве, в Латвия, — тоже нет.

— Вы считаете, что исчерпывающие доказательства возможны? Или на современном этапе развития науки, в том числе академической, слабой скоординированности действий геологов, энтомологов, климатологов, биологов, метеорологов и т. д. они пока невозможны?

— Если мы не можем доказать, что не будет отрицательных последствий, значит, надо исходить из того, что они могут быть. Надо идти в дверь, зная, куда и к чему придешь. А если не знаешь, не надо в эту дверь входить. Это же кошмар, что мы делаем с природой!.. И что удивительно: в подавляющем большинстве случаев строителей в свое время предупреждали: дело кончится плохо. И с Кара-Богазом предупреждали, и с Лядогой, и с дамбой в Финском заливе.

— Проект ленинградской дамбы сейчас приходится исправлять. Я знаю, в связи с этим стучались во многие двери весьма компетентные и заслуженные люди. А их услышали тоже только после того, как огромный объем работ уже выполнен.

— Да, в строительных ведомствах, особенно если строительство ведут разные министерства, уже выработался навык того, как обойти общественное мнение. Уже есть своя шкала мероприятий для этой цели: заранее, как говорится, не распространяться, не дай бог, пройдет в печать. Нужно сделать все так, чтобы подольше не возникало дебатов; вот когда залезем по уши в строительство, тогда уже можно о нем говорить, потому что обратного хода не будет. Почему появился проект переброски части стока северных рек, точка в котором поставило только Политбюро ЦК КПСС? Потому что семь лет сторонники этого проекта не позволяли говорить о нем. Говорилось только о том, какой он грандиозный, какой прекрасный этот «проект века».

Заканчивать надо и с бесконечными переделками. На одном и том же месте трубы десять раз перекаладываем. Тяжем параллельные трубопроводы — и на каждой трассе какой урон наносим природе! Сегодня строим, завтра все ломаем и переделываем. Ведь на то и плановое хозяйство, чтобы на пятнадцать — двадцать лет вперед смотреть.

— Вы хотите сказать, что подготовка большой стройки — это большой цикл, он должен включать больше усилий, чем сам процесс стройки?

— Да, войти в колею, в норму, в ритмичный строительный процесс очень тяжело, организовать за один

год это и не удастся, может быть, не удастся за весь срок строительства, но надо пожертвовать временем в подготовительном периоде, иначе мы никогда не перестроимся. К тому же, посмотрите, как ведут себя строительные ведомства — никто ни с кем не считается, тогда как нужна полная координация между ними, и органы Советской власти должны быть хозяевами положения.

Ведь почему сейчас иной раз строятся ГЭС, которая не нужна? Прежде всего для выполнения плана министерства, а не по существу? Да потому, что строитель ГЭС приезжает и председателю местного исполкома и говорит: вы нам дайте «добро» на строительство, а мы вам построим школы, дороги, больницы. И идет торг между исполкомом и министерством. Местная власть торгует землей.

— А потом строители еще и обманут.

— Это во-первых, обманут. Вторых, такой подход методически неверен. Если дать под весь социкультурный деньг непосредственно местным Советам, так ведь они половину строителей к себе и не сразу пустят. Иной предисполкома думает с демографической ситуацией как-нибудь выкрутятся, с загрязнением вод и атмосферы — тоже, зато будет у нас дорога, школа, больница. Вот и строятся химкомбинат рядом с толстовской Ясной Полянкой. А теперь для него «подыскали» новое место: рядом с древним Новгородом.

— Значит, работникам органов власти надо больше учиться думать комплексно и поступать более ответственно?

— На деле научим этому только тогда, когда социкультурный будет обеспечивать не министерства, а сами Советы.

Теперь вернемся к юристам-экологам, или, скажем так, к системе образования строителя вообще. Экологию в программы строительных институтов и техникумов надо вводить обязательно. Для чего готовят кадры наши географические факультеты сейчас? И географы нужны. Но они должны быть экологами прежде всего. Раньше они путешествовали, пополняли наши знания о Земле. Теперь земной шарик в основном описан, из космоса можем снять любой район Земли и океана. Теперь дело в защите природы, в экологии.

— А социологи? Уже в общем-то есть сельская, промышленная, медицинская социология...

— А социолога на стройке нет.

И сами строительные коллективы тоже не подвергаются социологическому изучению. Почему, например, в свое время ударно, с энтузиазмом работали строители? Потому что они были убеждены, что их стройка действительно нужна народу и государству. А сейчас у значительной части строителей нет такого убеждения. В меллорации, например, участники строек совершенно не убеждены, что они делают единственно нужное дело. Сейчас в печати столько справедливой критики необоснованного строительства, что необходимость обоснования, как мы и говорили, на стадии технико-экономическо-экологическое обоснования, ГЭС, становится, может быть, одной из самых первоочередных, не только экономико-экологических, а и психологических задач. Наши стройки должны быть популярными, интересными для людей. Что происходит на стройке, которая не пользуется популярностью, то есть необходимость которой не доказана до конца? Люди меньше идут туда, тем, кто все-таки идет, больше платят. Изыскивается всякая возможность, чтобы больше им платить. И, следовательно, человек, который меньше убежден в необходимости своего труда, получает больше, чем тот, кто убежден, что делает действительно нужное дело. Вот ведь килстройкой точно знает, что он чрезвычайно нужен людям, но получают-то там люди меньше, чем в любом другом строительстве.

— Мы говорили о вещах довольно сложных. А вообще-то культура строительства, как и любого дела, предполагает элементарный порядок, элементарные правила экономии, бережливости, опрятности.

— И это верно. В нашем представлении новая стройка — это уже развал, грязь и беспорядок. Все это нужно исключить, стройка должна быть опрятной. Едешь в поезде и видишь: вдоль дороги старые шпалы валяются, ржавые строительные конструкции. У нас нет трущоб. Ведь когда подъезжаешь к крупному европейскому городу, десять километров едешь сквозь трущобы. В крупных городах Азии они еще больше. Тем более, казалось бы, нам надо правила внешнего вида соблюдать. Но на подходах к Москве строители, хозяйственники натворили такого безобразия. Но многие строители сами давни убеждены, что их специальность — неаккуратная и малоорганизованная. Так дальше продолжаться не должно. Эту психологию надо менять, если мы хотим обеспечить качество роста.